

УДК 141.2 + 11 + 008

ББК Ю21 + Ю3(0)

«ВОЙНА» КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ОТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ О ВОЙНЕ К «ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ»

Е.В. Гредновская

В предлагаемой работе рассматривается проблема понимания феномена войны в аспекте его философского ресурса. Обозначаются критерии, указываются подходы, удовлетворяющие специфике его философского осмысления, сложившиеся в классической историко-философской парадигме. Рассматриваются особенности постмодернизма как нового контекста, задающего параметры осмысления феномена войны.

Ключевые слова: философствование, философская категория, философские основания, трансцендирование, «философия войны», культура постмодерна, постмодернизм, цитатное мышление, игра, эклектика, дискурс.

Почему не прекращаются войны? Почему человечество, пройдя через ужасы бесконечной череды войн, так и не пресыщается этой чудовищной практикой? В чем заключено ее неочевидное супероснование, таящее в себе парадоксальную притягательность?

Ставить вопрос о войне таким образом, собственно говоря, и означает процедуру философствования в отношении заявленного феномена. Ста-

вить вопрос о чем угодно *таким образом* и означает выполнять условия, при которых «философствование о чем угодно» может состояться.

Каким же именно условиям должна удовлетворять интеллектуальная процедура, чтобы рассматриваемая проблема, процесс или вещь могли быть размещены в смысловом пространстве слова, именуемого «философской категорией»? Ведь должны состояться некие вполне определенные предусловия, чтобы «философствование о чем угодно» могло растворить внутри себя объект своего осмысления, оставаясь при этом в зоне свидетельствующего отстранения подобно пантеистическому Богу Кузанца, растворившего внутри себя природу, но при этом оставшемся за пределами недостижимости в сфере трансцендентного. Но главное, что интересует нас в данном случае: каким интеллектуальным условиям должно удовлетворять говорение именно о войне, чтобы это парадоксальное явление могло предстать как философская категория?

Тематика войны в историко-философском дискурсе разрабатывалась в нескольких ракурсах [9]: с точки зрения так называемого «практического подхода», центральной проблемой которого стала вооруженная борьба (в частности, работа К. Клаузевица «О войне») [4], а также с позиции «духовно-нравственных» оснований, представленных проблемами «естественности» и «противоестественности» войн, дихотомии добра и зла, поиска метафизических оснований войны (Ф. Аквинский, Г. Гроций, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше, П. Прудон, Р. Штейнметц, Э. Юнгер). В отечественной философии духовно-нравственный аспект представлен идеями Н. Бердяева, В. Соловьева, Л. Карсавина, И. Ильина [9].

В XX в. война начинает изучаться как самостоятельная научная проблема в ряде относительно самостоятельных подходов: структурно-функциональном (Г. Бутуль, Р. Арон, П. Аснер, В. Шнирельман); формационном, сложившегося под влиянием работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина (В. Серебрянников, Е. Рыбкин, С. Тюшкевич, Д. Волкогонов); социокультурном (П. Сорокин, К. Райт, С. Хантингтон, А. Тойнби); культурологическом (Л. Уайт, Й. Хейзинга, Т. Шеллинг, Х. Хофмайстер); психологическом (З. Фрейд, К. Лоренц, Г. Зиммель); а также в «социологии войны» (И. Образцов, Л. Бурганова, П. Корнилов, В. Ксенофонов, А. Соловьев, А. Беляев, В. Конышев, Н. Тимашев) [9]. В целом, исследования войны отличаются крайним разнообразием взглядов на ее цели, причины, последствия и значение [7, 12, 14].

В историко-философском дискурсе вопрос о параметрах философствования в отношении какой-либо проблемы был поднят в период формирования философии науки как направления, возникшего в конце XIX века, в связи с осмыслением соотношения философского и научного знания. Так, А.Е. Снесарев в своей фундаментальной работе «Философия войны» [11] обозначает эти критерии следующим образом:

1. Трансцендентные идеи или задачи, т. е. не поддающиеся восприятию в опыте, которые тесно связаны с той или иной современной наукой, но которые она по господствующему теперь воззрению отказывается решать и сбрасывает на плечи философии.

2. Такие идеи или темы, которые хотя и не являются чисто трансцендентными, но которые с другой стороны и не поддаются вполне исследованию опыта, т. е. стоят на перепутье между априористическим и апостериористическим исследованием или для которых дорога опыта еще не намечена.

3. Идеи, имеющие столь общечеловеческий и глубокий смысл, что специальная наука или не располагает для их исследования достаточным масштабом, или не берется за них по отсутствию к ним специального интереса.

4. Все вопросы, связанные с архитектоникой наук или их классификацией, с данными о степени их достоверности или гадательности и, наконец, с методологией [11].

Таким образом, категория «философии войны», возникает изначально в терминологическом инструментарии теоретического измерения философии. Однако теперь попадая в смысловое пространство постсовременности (постмодерна), она стремительно утрачивает сугубо теоретический формат, приобретая преимущественно мировоззренческую нагруженность. Кроме того, она оказывается тесно вплетена в ткань постмодернистской культуры, которая предстает сегодня как особое духовное состояние и умонастроение, как образ жизни и культура и даже как некая эпоха, являющаяся следствием постиндустриального, информационного общества.

Постмодернистская философия, как известно, противопоставляет себя, прежде всего, Гегелю, видя в нем высшую точку западного рационализма и логоцентризма [8], в этом смысле ее можно определить как антигегельянство. Гегелевская философия, как известно, покоится на таких категориях, как бытие, единое, целое, универсальное, абсолютное, истина, разум и т.д. Постмодернистская философия подвергает все это резкой критике, выступая с позиций релятивизма.

Непосредственными предшественниками постмодернистской философии являются Ф. Ницше и М. Хайдеггер [15]. Первый из них отверг системный способ мышления Гегеля, противопоставив ему мышление в форме небольших фрагментов, афоризмов, максим и сентенций. Он выступил с идеей радикальной переоценки ценностей и отказа от фундаментальных понятий классической философии, сделав это с позиций крайнего нигилизма, с утратой веры в разум, человека и гуманизм. В частности, он выразил сомнение в наличии некоего «последнего фундамента», именуемого обычно бытием, добравшись до которого мысль будто бы приобретает прочную опору и достоверность. По мнению Ницше, такого бытия нет,

а есть только его интерпретации и толкования. Он также отверг существование истин, назвав их «неопровержимыми заблуждениями». Ницше нарисовал конкретный образ постмодернистской философии, назвав ее «утренней» или «дополуденной». Хайдеггер продолжил линию Ницше, сосредоточив свое внимание на критике разума. Разум, по его мнению, став инструментальным и прагматическим, выродился в рассудок, «исчисляющее мышление», высшей формой и воплощением которого стала техника. Последняя не оставляет места для гуманизма. На горизонте гуманизма, как полагает Хайдеггер, неизменно появляется варварство, в котором «множатся вызванные техникой пустыни».

Эти и другие идеи Ницше и Хайдеггера находят дальнейшее развитие у философов-постмодернистов. Наиболее известными среди них являются французские философы Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар и М. Фуко, а также итальянский философ Дж. Ваттимо [15].

Следует также отметить, что в соответствии с принципом плюрализма сторонники постмодернистской философии не рассматривают окружающий мир как единое целое, наделенное каким-либо объединяющим центром. Мир у них распадается на множество фрагментов, между которыми отсутствуют устойчивые связи. Постмодернистская философия отказывается от категории бытия, которое в прежней философии означало некий «последний фундамент», добравшись до которого мысль приобретает бесспорную достоверность. Прежнее бытие уступает место языку, объявляемому единственным бытием, которое может быть познано. Постмодернизм, таким образом, весьма скептически относится к понятию истины, пересматривает прежнее понимание знания и познания, решительно отвергая сциентизм и перекликаясь с агностицизмом. Не менее скептически смотрит он на человека как субъекта деятельности и познания, отрицает прежний антропоцентризм и гуманизм. Постмодернистская философия выражает разочарование в рационализме, а также в разработанных на его основе идеалах и ценностях, сближая ее с наукой и литературой, усиливает тенденцию к эстетизации философской мысли, поэтому в целом постмодернистская философия выглядит весьма противоречивой, неопределенной и парадоксальной.

Таким образом, к настоящему времени сложился ряд концепций постмодернизма как феномена культуры, которые подчас носят взаимоисключающий характер [3].

Так, Юрген Хабермас, Дениел Белл и Зигмунт Бауман трактуют постмодернизм как итог политики и идеологии неоконсерватизма, для которого характерен эстетический эклектизм, фетишизация предметов потребления и другие отличительные черты постиндустриального общества. В трактовке Умберто Эко постмодернизм в широком понимании – это механизм смены одной культурной эпохи другой, который всякий раз прихо-

дит на смену авангардизму (модернизму). Согласно Ж.-Ф. Лиотару, постмодернизм – общий культурный знаменатель второй половины XX века, уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса – «постмодернистская чувствительность». С точки зрения Г. Хоффмана, постмодернизм – самостоятельное направление в искусстве (художественный стиль), означающий радикальный разрыв с парадигмой модернизма [3].

Кроме того, отличие постмодернизма от модернизма состоит в следующем. В философии постмодернизма отмечается сближение ее не с наукой, а с искусством. Таким образом, философская мысль оказывается не только в зоне маргинальности по отношению к классической науке, но и в состоянии индивидуалистического хаоса концепций, подходов, типов рефлексии, какое наблюдается и в художественной культуре конца XX века. В философии, так же как и в культуре в целом, действуют механизмы деконструкции, ведущие к распаду философской системности, философские концепции сближаются с «литературными дискуссиями» и «лингвистическими играми», преобладает «нестрогое мышление».

Постмодернистская философия с ее дизъюнктивностью, отрицанием любого тотального дискурса и признанием относительности любых ценностей становится основой принципиально нового, неклассического этапа в развитии науки, который исследователи связывают с осознанием иллюзорности представлений о неограниченных возможностях науки, признанием неполноты любого дискурса, в том числе и научного, существенной роли неявного знания в функционировании науки, относительности и принципиальной неустранимости субъекта из результатов научного познания, ответственности ученых за принимаемые решения [15].

Конечно, признание конвенционального, договорного характера норм, принципов и ценностей, отрицание априорных установок делает возможным предельную открытость постмодернистской философии, готовность к равноправному диалогу с любыми культурами, структурами, формами и нормами, существующими в любом пространственно-временном отрезке истории [15]. Тем не менее, негативный аспект постмодернистской философии находит свое выражение в том, что декларируется «новая философия», которая «в принципе отрицает возможность достоверности и объективности..., такие понятия как «справедливость» или «правота» утрачивают свое априорное значение...» [6]. Поэтому постмодернизм определяется как маргинальный китчевый философский дискурс с характерной антирациональностью.

Декларируя состояние отчуждения и утраты ценностных ориентиров в современном обществе, теоретики постмодернизма расходятся в оценке значимости данного феномена. С одной стороны утверждается, что «вечные ценности» – это тоталитарные и параноидальные идефиксы, которые

препятствуют творческой реализации. Истинный идеал постмодернистов – это хаос, именуемый Делезом [2] хаосмосом, первоначальное состояние неупорядоченности, состояние нескованных возможностей. В мире царствует два начала: шизоидное начало творческого становления и параноидальное начало удушающего порядка. С другой стороны, представители апокалиптического подхода, в частности, Ж. Бодрийяр, резко отрицательно оценивают процесс девальвации «вечных ценностей» и утверждают, что утрата ценностных значений происходит в результате разрыва между знаком и его объектом, когда знак превращается в самостоятельный объект, который посредством длинного ряда самокопирований полностью отрывается от реальности, которую он призван обозначать и образует виртуальную реальность, не имеющую ничего общего с подлинной реальностью. Личность постепенно теряет свою уникальность, «свое лицо», становясь унифицированным элементом бессмысленного калейдоскопа масок, становится объектом среди объектов [1].

Постмодернисты, как известно, утверждают идею «смерти автора», вслед за Фуко и Бартом, в силу чего любое подобие порядка нуждается в немедленной деконструкции – освобождении смысла, путем инверсии базовых идеологических понятий, которыми проникнута вся культура. Философия искусства постмодернизма, таким образом, не предполагает никакого соглашения между концепциями, где каждый философский дискурс имеет право на существование и где объявлена война против тоталитаризма любого дискурса, в силу чего и осуществляется трансгрессия постмодернизма как переход к новым идеологиям на современном этапе [15].

Исследователи постмодернистской философии и искусства (что для исследования данного феномена является не менее важным), полагают [6], что идеологизация современного искусства, потеря им своих границ, девальвация принципов и ценностей, контроль над искусством со стороны глобальной административной сети, а, с другой стороны, вовлеченность в систему виртуальной реальности, оторванной от подлинной реальности, ставит под вопрос само существование искусства как самостоятельной сферы жизни со своими принципами, нормами и ценностями.

В настоящее время уже можно говорить о постмодернизме как о сложившемся стиле искусства со своими типологическими признаками: *использование готовых форм* (ситуация художественного заимствования вплоть до симуляции заимствования, ремейк, реинтерпретация, лоскутность и тиражирование, дописывание от себя классических произведений, добавившаяся в конце 80–90-х годов к этим характеристическим чертам «новая сентиментальность»); *ирония* (авангардистской установке на новизну противопоставлено устремление включить в современное искусство весь мировой художественный опыт способом ироничного цитирования. возможность свободно манипулировать любыми готовыми формами,

а также художественными стилями прошлого в ироническом ключе, обращение ко вневременным сюжетам и вечным темам, еще недавно немислимое в искусстве авангарда, позволяет акцентировать внимание на их аномальном состоянии в современном мире); *синтетичность или синкретизм* (его новизна – это сплав старого, прежнего, уже бывшего в употреблении, использованного в новом маргинальном контексте, для любой постмодернистской практики (кино, литература, архитектура или иные виды искусства) характерны исторические аллюзии); *игра* – (многовариантность событий, исключая детерминизм и тотальность, а, точнее, включая их как один из вариантов, как участников игры, где исход игры не предопределен); *диалогичность и карнавальность* (когда мир представляется не в качестве саморазвития Абсолютного Духа, единого принципа как в концепции Гегеля, а как полифония «голосов», диалог «первоначал», принципиально несводимых друг к другу, но взаимодополняющих друг друга и раскрывающих себя через другого, не как единство и борьба противоположностей, а как симфония «голосов», невозможных друг без друга) [6].

И в этом контексте постсовременного культурного пространства тема войны оказывается чрезвычайно востребованной, заполняющей собой кинематограф, виртуальные игры, музыку, вбрасывающей в массовое сознание словосочетание «философия войны» в формате его тиражирования. «Философия войны», попадая в эклектизм культуры постмодерна разворачивается в нескольких информационных каналах, посвященных тематике войны, которые можно условно разделить на три группы: 1) использование категориального ресурса понятия «философия войны» (научные работы; книжная продукция; соцсети; музыка); 2) тиражирование военной символики и откровенная спекуляция ее символическим капиталом (наиболее известный пример – скандал, связанный с георгиевской лентой); 3) искажение исторических фактов в преподнесении военной тематики (в рекламных щитах, роликах, кинематографе, виртуальных играх).

На этом основании нами предпринято исследование информационного культурного пространства постсовременности, в котором хотелось бы сконцентрировать внимание на следующих аспектах: 1) формы трансляции, посвященные тематике войны и их очевидное содержание; 2) скрытый информационный план, а также мотивация трансляторов; 3) дискурсивные практики постмодернистской культуры, оцениваемой Г.Л. Тульчинским, как всеобщая невменяемость и безответственность [13], скрывающиеся за этими дискурсивными информационными каналами.

Завершая наше краткое тезисное изложение основной идеи в данной работе, хотелось бы обозначить еще один акцент «философии чего угодно». Как известно, главным предметом страстного поиска Людвиг Витгенштейна на протяжении всей его жизни была *мысль о мысли* и, следовательно, стремление ответить на вопрос: что такое философия? Но также

известно и то, что Витгенштейн закончил свой знаменитый «Логико-философский трактат» в 1919 году на войне, незадолго до плена. Людвиг Витгенштейн хотел быть храбрым. Перед первым своим боем в 1916 году он писал: «Теперь у меня есть шанс стать приличным человеком». Он считал дни и молил Бога о ниспослании ему храбрости и выбрал себе самое опасное место – наблюдательный пост, чтобы уж непременно попасть под огонь русских. 4 мая, когда он был ночью на наблюдательном посту и огонь был шквальным на протяжении всей ночи, он написал следующее: «Только теперь война действительно начнется для меня. И – быть может – и жизнь тоже. Возможно, близость к смерти принесет мне свет жизни». [10].

Известно также, что Ренэ Декарт был участником Тридцатилетней войны, но не во имя отстаивания оружием религиозных истин и не для присоединения новых земель к французской короне, а чтобы в горниле испытаний открыть для себя «правду и мудрость бытия», обитающую за стенами ученого кабинета. Именно там он понял: цель в жизни – найти универсальную систему знаний, которая вмещала бы ответы на все волновавшие его вопросы

Вот и наш современник, репрезентированный героем фильма Н. Тягунова «Нога», воином-афганцем Мартыном (в исполнении Ивана Охлобыстина, что также не менее знаменательно) за несколько минут до самоубийства, являющего собой пример кузуистического кантианского жертвоприношения, произносит: «Чайка села на волну и волна ее качала, мне б вернуться на войну, что б на сердце полегчало».

Не отражает ли в таком случае понятие «война», поставленное рядом со словом «философия» своего рода «ностальгию» по состоянию *сознания особого рода, сознания целостности*, обретаемого человеком только в экстремальном военном опыте? Не является ли в данном случае смысловое поле «философии», как практики «трансцендирования к интеллигибельным сущностям» своего рода зовом этой целостности и возможностью выхода к ней? И не является ли в современной посмодернистской реальности этот зов и своего рода «ностальгией по целостности»? Поиск ответов, на эти, и связанные с ними, вопросы мы и предполагаем осуществить на эмпирическом материале в наших дальнейших исследованиях и публикациях.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. и предисл. С.Н. Зенкина – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011. – 392 с.
2. Делез, Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Дианова, В.М. Постмодернизм как феномен культуры / В.М. Дианова // Введение в культурологию. Курс лекций / Под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 125–130.

4. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М., 2002. – Т. 1. – С. 120–163.
5. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар; Пер. с фр. Н.А. Шмако. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
6. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – М.: ИФ РАН – С. 132.
7. Нагорная, О.С. Образы Первой мировой войны на экранах межвоенной России и Германии: мемориальная политика и коллективная память / О.С. Нагорная, Т.В. Раева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – № 32 (291). – С. 45–47.
8. Новый философский словарь. Постмодернизм. – Мн.: Современный литератор, 2007. – С. 425.
9. Поваляев, В.Г. Война как социальное явление: дис. ... канд. философ. наук [Электронный ресурс] / В.Г. Поваляев. – Москва, 2007. – 145 с. – URL: http://a-e-snesarev.ru/Philosofy_of_war.pdf/.
10. Руднев, В. Божественный Людвиг (Жизнь Витгенштейна) [Электронный ресурс] / В. Руднев. – URL.: http://krotov.info/lib_sec/03_v/vit/genshteyn.htm/.
11. Снесарев, А.Е. Философия войны [Электронный ресурс] / А.Е. Снесарев. – М.: Фин. контроль, 2003. – 286 с. – URL.: http://a-e-snesarev.ru/Philosofy_of_war.pdf/.
12. Раева, Т.В. Меморизация первой мировой войны в СССР: «Агит суд» как способ формирования памяти / Т.В. Раева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 23–25.
13. Тульчинский, Г.Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы [Электронный ресурс] / Г.Л. Тульчинский. – URL: <http://hpsy.ru/public/x3131.htm>.
14. Сперанский, А.В. Первая мировая война в контексте мифов и исторических параллелей / А.В. Сперанский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 45–48.
15. Усовская, Э.А. Постмодернизм в культуре XX века: учебное пособие для вузов / Э.А. Усовская. – Минск, 2003. – С. 4–5.

[К содержанию](#)